

В. Ф. Одоевский

Необойдённый дом

Древнее сказание о калике переходящей и о некоем старце

Посв. В.А. Жуковскому

Давным-давно, в те годы, которых и деды не запомнят, на заре ранней, утренней шла путем-дорогою калика переходящая¹; спешила она в Заринский монастырь на богомолье, родителей помянуть, чудотворным иконам поклониться. Недолог был путь - всего-то вёрст десять, да старушка-то уж не та, что бывало в молодые лета; идёт-идёт да приостановится: то дух занимает, то колени подгибаются. Вот слышит она, в монастыре звонят уж к заутрене. "Ахти, - сказала она, - замешкалась я, окаянная; не поспеть мне к заутрене, хоть бы Бог привёл часов-то не пропустить". Смотрит - а к лесу идёт тропинка прямо на монастырь. "Постой-ка, - подумала старушка, - дай Бог память; я, кажись, в молодые лета по той тропинке хаживала, ведь ею вдвое ближе, чем обходом идти". И старушка своротила в лес на хожалую тропинку. Так и обдало нашу калику смолистым запахом сосен, и силы её подкрепились.

Красное солнышко на восходе играет по прогалинам, птицы очнулись и кормят детёнышей, медвяная роса каплет с ветвей; старушка идёт да идёт; благовест ближе да ближе, а лес всё гуще да гуще. Идёт она час, идёт и другой, а всё не видать конца леса; вот и благовест перестал, и тени от деревьев сделались короче - а всё не может старушка выйти из леса; оглядывается: спереди тропинка, сзади тропинка, а кругом лишь темень лесная; ни жилья, ни былья, ни голоса человеческого; а у старушки уже ноги едва двигаются и в горле пересохло; жажда томит, в глазах темнеет; но всё идёт она, едва шаг за шагом переступает; вдруг пахнуло на неё живым дымом, а вот невдалеке и лес проредел; старушка перекрестилась, закусила стебелёк щавеля, и с того у калики словно силы прибавилось. Прошла с десятков шагов - перед нею поляна; посреди поляны дубовый дом с закрытыми ставнями, тесовые ворота на запоре - не видать ни души христианской; у ворот скамеечка; калика присела и пригорюнилась. Вот залаяла в подворотне цепная собака, калитка отворилась, и вышел малой лет пятнадцати, подстрижен в кружок, в красной рубахе, ремнём подпоясан; он искоса посмотрел на старуху, отряхнул волоса, подпёр боки руками и молвил:

- А кого тебе здесь надобно, старушонка?

- Ах, родимый; никого мне не надобно; шла я на богомолье в монастырь да заблудилась и из сил выбилась; не дай умереть без покаяния, дай водицы испить.

Молодой малый поглядел в раздумье на старуху, ещё раз встряхнул головою, вошел в калитку и чрез минуту возвратился; в одной руке нёс он ковш с ячным квасом, в другой - краюху свежего хлеба с бузою².

Старушка кваску прихлебнула, хлебцем закусила и стала как встрёпанная.

- Спасибо тебе, добрый человек, - сказала она, - душеньку отвёл. Бог тебя наградит, что старуху призрел.

- Ты, однако же, не долго здесь калякай, - промолвил малой в красной рубахе.

- Отдохнула и ступай своею дорогою; а то неравно хозяева наедут - несдобровать тебе, старушонка.

- Да кто же они такие, родимой?

¹ Калика переходящая - так на Руси называли паломников, странников, ходивших на богомолье по монастырям

² Буза - здесь: соль

- Да у нас здесь, бабушка, - отвечал малой улыбаючись, - весёлые люди живут; зелено вино пьют, в зернь¹ играют, красных девок целуют, людей режут.

- Ах, родимый, родимый! Никола тебе навстречу - как же ты с такими людьми живёшь?

- Э, бабушка, не твоё дело. Ступай отсюда, пока жива; говорят тебе, наедут сюда хозяева, увидят, что чужие очи наш притон обозрили, - не спустят тебе, И я-то уж так сжалился над тобою оттого, что покойницу бабушку напояла, которая, бывало, меня малого на руках носила да пряником кормила... Ну, ступай же... вот этой тропинкой прямо, уткнёшься на монастырь.

- Иду, иду, родимый, кто бы ты ни был, спасибо тебе... награди тебя Бог, вразуми тебя Господь.

И опять пошла старушка путём-дорогою, идёт час, идёт и другой. "Не успела к заутрене, - думает, - не поспела и к ранней обедне; авось-либо Бог приведёт хоть у поздней помолиться".

Вот и солнце поднялось выше, роса обсохла, по лесу поднимается душистый пар донника и Божьей зари, рой мошек жужжит и кружится по прогалинам. А старушка идёт и идёт. Благовест всё ближе да ближе, а лес всё гуще да гуще.

Идёт она час, идёт другой; уже почти нет теней от деревьев, и нет конца леса. Оглядывается: спереди тропинка, сзади тропинка, а кругом лишь темень лесная; ни жилья, ни былья, ни голоса человеческого. А старушка идёт да идёт, - вот впереди прояснилось, и лес проредел. "Слава Богу, - думает, - насилу дотащилась!" Собрала последние силы... смотрит, - а пред ней опять та же поляна, а на поляне тот же дубовый дом с закрытыми ставнями, тесовы ворота на запоре - и не видать ни души христианской.

- Ах я, окаянная, опять заблудилась, опять к тому же месту пришла.

Делать нечего; старушка присела в тени и пригорюнилась; цепная собака залаяла в подворотню; калитка отворилась, и вышел парень лет тридцати пяти, в красной рубахе, ремнем подпоясан.

- А, здорово, старушонка, подобру ли, поздорову поживаешь; сколько лет, сколько зим с тобой не видались, а всё я тебя тотчас узнал, ты ни на волос не переменилась... как была, так и есть!

- Не запомню, родимый, Никола тебе навстречу; а, кажись, я тебя сроду не видывала.

- Эх, старушка, ты верно уж из памяти начала выживать; помнишь, лет двадцать тому назад, ты к заутрене шла да заблудилась, а я ещё тебя хлебом кормил да дорогу тебе показывал; я так теперь на тебя смотрю.

- Что ты, родимый, Никола тебе навстречу; была я здесь, знаю, выходил ко мне малой лет пятнадцати и, спасибо ему, хлебом накормил.

- Да то ведь я-то и был, старушонка.

- И, что ты, родимой! Это было сегодня поутру, и выходил ко мне малый лет пятнадцати, а ты, Бог тебя помилуй, уже в возрасте.

- И, старушка, ты уж из ума начала выживать; какое поутру, говорят тебе, уж лет двадцать тому ты сюда приходила, вот на этой скамеечке сидела; помнишь?

- Как не помнить, родимой, только вишь ты, было это сегодня поутру, а дотелева здесь я никогда не бывала.

- Ну, я вижу, с тобой до бела света не сговоришь, совсем из памяти выжила... Посмотрю я на тебя, измучилась ты, старушонка, пот с тебя так градом и катит, дай вынесу тебе рушник отереться.

Так промолвил парень в красной рубахе, вошёл в калитку и скоро возвратился оттуда с полотенцем, вышитым красною белью.

¹ Зернь - игра в кости или в хлебные зёрна

Едва старушонка взяла его в руки, как вскрикнула:

- А откуда, родимой, у тебя это полотенце?

- Откуда бы ни было, - отвечал парень сердито, - знай утирайся.

- Да ведь это полотенце-то я шила сынишке на дорогу.

- Сынишке, - повторил парень. - А какой он из себя был?

- Ах, мой сынишка славный малой... да разве ты знаешь его?

- Говорят тебе: каков он из себя был?

- Малой лет пятнадцати, светло-русый, волосы в кудряшках, в синем зипуне, в поярковой шляпе.

- Светло-русый, волосы в кудряшках? - повторил мрачно парень в красной рубахе.

- Ну, жаль, старуха, что не знал.

- Да что ж с ним случилось, родимый? - сказала старушка испугавшись.

- Да так, ничего, - отвечал парень. - Запиши его в поминанье... его в живых больше нет.

Наша калика переходящая так и ударилась об землю и зарыдала.

- Ну, полно рюмиться-то, мёртвого не воротить.

Старушка очнулась.

- Как же ты знаешь, родимой, что его в живых не стало, полно, правда ли это?

- Ещё правда ли? Ещё знаешь ли? Вольно тебе было его на святость воспитать: заманили его сюда; видим, малой славной, думали, будет из него путь; говорим ему: будь нашего сукна епанча¹, а он руками и ногами, заартачился...

- Ну, так что ж, батюшка?

- Ну, что ж? Вестимо дело, карачун² ему дали, да и пустили на Волгу окуней ловить.

Старушка снова зарыдала.

- Скажи, родимый, хоть с покаянием ли он Богу душу отдал?

- Ну, вестимо нам было к нему не попа приводить, а молиться-то он молился, сердечной. Ну и полно рюмить, убирайся отсюда, не то наши наедут, и тебе то же будет, что и сынишке твоему.

- Божья воля, отец мой; покажи только дорогу, куда до пустыни дойти; сына помянуть, за тебя Богу помолиться.

- За меня? Полно обманывать, я чай, проклинать меня будешь.

- Нет, родимый! Что проклинать! Буду молиться о спасении грешной души твоей.

Парень задумался.

- Странна ты, старуха, - сказал он после некоторого молчания. - Сколько я душ погубил, молодых и старых, всякого пола и возраста, и рука не дрогла, а вот каждое твоё слово как ножом душу режет, и рука на тебя не поднимается... ну, убирайся отсюда, пока не осерчал, ступай этой тропинкой, так прямо и уткнёшься на монастырь.

И старушка опять идёт путём-дорогою, рукавом слезинки утирает.

- Наказал меня Бог, - говорит, - не поспела, окаянная, ни к заутрене, ни к обедне, авось-либо Бог приведёт за вечерней помолиться.

Вот идёт она, идёт час, идёт и другой; а в полях стада убрались, посередь леса птицы прикорнули, выходила туча грозовая со частым дождичком; и опять всё очнулось; стада голос дали, птицы вспорхнули; вот слышался в пустыни и блавест к вечерне. Блавест всё ближе да ближе, а лес всё гуще да гуще.

Идёт старушка час, идёт и другой; вот и блавест перестал, солнце ниже опустилось, и далеко, далеко потянулась тень от деревьев, а всё не видать конца лесу. Оглядывается калика: спереди тропинка, сзади тропинка, а кругом лишь

¹ Епанча - широкий плащ без рукавов

² Карачун - смерть, гибель

темень лесная; ни жилья, ни былья, ни голоса человеческого. А калика идёт да идёт, - вот впереди прояснилось, и лес проредел. "Слава Богу, - говорит калика переходящая, - насилу-то дотащилась!" Собрала последние силы, смотрит, - перед ней опять та же поляна, а на поляне тот же дубовый дом с закрытыми ставнями, тесовы ворота на запоре - и не видать ни души христианской.

- Ах, прости, Господи, - сказала старушка, - опять я на то же место пришла, окаянная, а уж и сил нет больше идти; не пускает Бог до пустыни дойти; буди твоя святая воля.

Старушка села под дерево и пригорюнилась.

Собака залаяла в подворотне, калитка отворилась, выходит старик лет шестидесяти, седой как лунь, на клюку опирается.

- А, старушонка, - сказал он, - подобра ли, поздорову ли ты живёшь? Сколько лет, сколько зим с тобой не виделись. Да ты, видно, века не изживаешь, какая была, такая и есть, нисколько не переменилась; а ведь мы лет двадцать с тобой не видались.

- Кажись, я тебя, родимый, сроду не видывала, - отвечала старуха.

- Была я здесь, и не один раз, да только сегодня поутру, да в полдень; выходил ко мне парень в красной рубахе и сказал мне горькую весточку.

- Да это я самый и был; помнишь, рушник тебе подавал; только будет тому лет десятка два и более; правда, я с той поры много переменился; кажись, и не стар я летами, а уж куда похирел; буйная молодецкая жизнь загубила; да как же ты-то нисколько не переменилась, вот как теперь на тебя смотрю?

- Ну уж я и ума не приложу, родимой; из памяти, что ли, я в самом деле выжила; знаю только то, что была я здесь поутру, а тебя сроду не видывала.

- Подлинно так, - сказал старик, - и я ничего не понимаю; что-то тут чудное деется; вот уж двадцать лет тому ты мне то же говорила; много с той поры воды утекло, много грехов я на душу свою положил!

Однако нечего здесь долго толковать; наши наедут, несдобровать тебе, убирайся отсюда, покуда жива.

- Нет, родимой, уже как хочешь, не пойду я отсюда, ноги не держут.

- Что ты, неразумная; да ведь наедут товарищи - убьют тебя.

- Да будет воля Божия.

- Что ж ты, небось, смерти не боишься?

- Да чего ж её бояться? Придёт час и воля Божия.

- Так ты смерти не боишься, - повторил старик и задумался. - Ну, - прибавил он помолчавши, - я так смерти боюсь.

- Молись Богу, родимой, Никола тебе навстречу, - так и не будешь смерти бояться.

- Мне молиться? Да неужли Бог услышит мою молитву?

- Вестимо, что услышит, когда помолишься с покаянием.

- Да ты знаешь ли, старушонка, с кем ты говоришь; если б ты знала да ведала - сколько я душ погубил неповинных; нет беззакония, которого бы я не сделал; нет греха, в котором бы не окунулся, - и ты думаешь, что меня Бог помилует?..

- Покайся, Бог помилует.

- Поздно, старушка! Уж и сна у меня нет, только заведу глаза, как и вижу - ко мне тянутся кровавые руки; вижу, как теперь тебя вижу, посинелые лица, помертвелые очи; а в ушах-то и крик, и визг, и стон, и проклятия; мне ли молиться, старушка! У Господа столько и милости не достанет.

- Молись, говорю тебе, у Бога милости много, и не перечешь, родимой.

Старик задумался.

- Знаешь ли, что тебе скажу? - проговорил он. - Скажу тебе правду истинную: я часто о тебе вспоминал; приходили мне на память твои речи; помнишь, как ты о младом обо мне молилась, чтобы Бог вразумил меня; помнишь, как обещала

молиться, когда я сына твоего убил; я ничего не запомнил, и всё мне хотелось потолковать с тобой о душе моей; ах, черна она, родимая, как смоль чёрная, и горяча она, как кровь тёплая; ну, слушай - здесь тебе сидеть не годится, наедут, увидят; пойдём в избу, там я тебе найду укромное место.

Он подал руку старушке, она оперлась на его клюку и потащилась в дом; в сенях старик поднял половицу.

- Ступай вниз, - сказал он, - да держись за верёвку, не то споткнёшься.

Старушка сошла в подполицу, тёмную, тёмную; свет проходил только сверху в отдушины; по стенам стояли ларцы, сундуки, скринки, баулы разного рода, всякая посуда; по стенам развешаны ножи, ружья и всякого платья несметное множество.

- Это наша кладовая, - сказал старик, - не даром она нам досталась.

Старушка творила молитву и шла далее. Прошла одну горницу, другую, третью; видит, всё по порядку: в одной скарб домашний, в другой мужское платье, в третьей женское, камни самоцветные, жемчуг, серьги и ожерелья.

- Душно здесь что-то, дедушка, - сказала она.

- И мне душно, - вскричал старик. - Как подумашь да погадаешь, что под этими платьями всё были живые люди и что ни один из них своею смертью не умер, то так мороз по жилам и пробегает; всё кажется, что под платьями люди шевелятся; ну да нечего делать, прошлого не воротишь; садись-ка вон там в уголку на сундук; там из отдушины ветерок подувает.

Старушка села, едва переводя дыхание; смотрит - над головою у ней платье камковое цареградское, сарафаны золотые, парчовые и под ними, прямо против её глаз, жемчужные, янтарные ожерелья, монисты, а между ними на бисерной нитке крест с ладанкою.

Старушка не взвидела света, схватилась за ладанку и горько заплакала.

- Скажи, дедушка, не обманывай, откуда ты взял это ожерелье?

- А что оно, знакомо тебе, что ли? - спросил старик, задрожав.

- Как не знакомо, - сказала старушка, - это ожерелье моего ненаглядного сокровища, моей дочери.

Старик повалился ей в ноги.

- Ах, мать родная, - завопил он, - кляни меня, - нету в живых твоей дочери; не пожалел я её красоты девической; замучил я её вот этой рукою; билась она, сердечная, как горлица; молила меня, чтоб позволил ей хоть перекреститься, - и до того я её не допустил.

Старушка пуще заплакала.

- Ну, отпусти тебе Бог, - сказала она, - много греха ты принял на свою душу.

- Где Богу мне отпустить, - вопил старик в забытьи, - нету прощения грехам моим; нет мне спасения ни в сём, ни в будущем мире.

- Не бери ещё нового греха на свою душу, родимый, не мертви душу отчаянием: уныние - первый грех, покайся да молись, у Бога милости много!

- Что ты говоришь, мать родная, - вопил старик, - где Богу простить меня - да ведь и ты не простишь меня...

- Нет, не говори этого, родимой, Никола тебе навстречу, - как не простить; много ты согрешил, последнее моё утешение отнял, - но да простит тебе Бог, как я тебя прощаю... только покайся...

- И в молитвах помянешь грешного раба Фёдора?..

- И в молитвах помяну...

Старик пуще зарыдал.

- Нет, мать родная, уж не покину я тебя теперь, - жутко мне здесь оставаться; веди меня куда хочешь, где бы я мог тебе на свободе свою душу раскрыть, все грехи мои исповедать, наказание принять.

- Не моё то дело, родимой; а если Бог твою мысль просветил, то иди в пустынь, спроси настоятеля, он тебе укажет, что делать.

Они вышли из дома, солнце заходило, лёгкий ветерок повевал с востока; в пустыни слышался благовест ко всенощной¹. Недолго шли старик со старухой - пустынь была в полверсте, не больше, - и дорога из леса шла к ней прямая.

Божий храм сиял во всём благолепии; тысячи свеч блистали у золочёных икон; невидимый хор тихо пел славу Божию; дым из каминов подымался ввысь светлым облаком; на паперти, в притворе² стояла толпа народа; едва старушка могла пробраться в церковь. В толпе кто-то сказал ей на ухо: "Помолися о грешном рабе Фёдоре". Старушка перекрестилась, стала к сторонке и горячо молилась сперва о грешном рабе Фёдоре, потом и об убиенных им, а потом и о себе грешной, - молилась не без слез, но с верою и надеждой.

Всенощная отошла; миряне стали подходить к иконам; и старушка поднялась с места. Смотрит - перед нею идёт светло-русый мужчина с виду лет пятидесяти, здоровый и свежий; за ним, видно, жена его и дети уже на возрасте; а за этою семьею - другая, женщина лет пятидесяти, с нею муж и также дети на возрасте. Сердце забилося у старушки - вспомнила она про детей. "Теперь и они были бы такие"; утёрла слезу рукавом, перекрестилась и пошла также к иконам прикладываться. Приложилась - вышла на паперть, - смотрит, а за нею идут обе семьи и пристально на неё смотрят; старушка обернулась - лампадою от иконы осветилось лицо её. Светло-русый мужчина подошёл к старушке, поклонился и начал было: "Позволь тебя спросить, бабушка..." - да как заплачет, да как кинется ей в ноги: "Ты ли это, наша мать родная? Где ты была, куда пропадала? Мы уж тебя и в живых не чаяли".

За ним и женщина кинулась старухе в ноги.

- Ты ли это, матушка? Уж где мы тебя ни искали! Все очи по тебе выплакали.

- Вы ли это, дети? - говорила старушка сквозь слезы. - Как вас Бог помиловал? Что с вами было?

- Как и рассказать, матушка, - отвечал светло-русый мужчина. - Как ты пошла на богомолье сюда в пустынь, мы пождали тебя день, другой, - видим, нет тебя, и пошли на поиск: и приходили в монастырь, и весь лес исходили, и голосом тебя кликали, и прохожих спрашивали - ниоткуда ни весточки. Прошёл год, прошёл и другой, прошло пять и десять; уж давно мы тебя, родную, за упокой поминали, горевали да плакали. Прошло ещё лет с десятков, меж тем за сестру присватался человек изрядный, и я нашёл себе по сердцу невесту, мы побрачились, родимая, прости, что без твоего благословения - мы тебя в живых не чаяли, - вот посмотри, и внучата твои...

Горько было нам без тебя, родимая, - часто поминали мы о тебе, - но во всём другом была нам несказанная благодать Божия. Все мы здоровы, дети нам утешение; что ни посеём, сторицею взойдёт; в торговлю пустим - нежданная прибыль; словом, что ни предпримем - как будто святой о нас старается, невесть откуда со всех сторон добро нам в дом идёт.

Старушка сотворила в глубине сердца благодарную молитву.

- А цел ли у тебя рушник, который я тебе шила? - спросила она, улыбаясь.

- Ах, родная, не прогневишь; чудное дело свершилось. Давным-давно, лет тридцать, вижу я сон, будто хожу по лесу и ищу тебя и вот будто бы слышу твой голос, - иду, иду, вдруг вижу, как будто поляна передо мною, а на поляне дубовый дом с закрытыми ставнями, ворота на запоре, и вышли из дома незнакомые люди и стали звать меня к себе, я не пошёл - а они бросились на меня, ограбили, отняли твой рушник, меня изранили - и бросили в реку. Тут я проснулся; поутру смотрю -

¹ Всенощная - вечерняя служба в церкви

² Паперть - церковное крыльцо; притвор - передняя часть церкви, следующая сразу за папертью

нет твоего рушника, уж где ни искали, никак найти не могли. Лет через десять потом сестре чудится такой же сон, видит она, как будто тебя ищет по лесу и голос твой слышит - вдруг перед ней поляна, на поляне такой же дубовый дом с закрытыми ставнями, ворота на запоре, - из дома выскочили незнакомые люди, ограбили её, отняли у неё ожерелье, её изувечили и бросили в реку - тут проснулась сестра, смотрит - нет на ней твоего ожерелья; уж не гневи себя на нас за эту потерю, родная, - мы к ней и ума приложить не умеем.

- Ничего, детушки, я так, из любопытства только спросила.

- Да где же ты была, родная?

- Не спрашивайте, была я по воле Божией; а теперь войдёмте лучше опять в церковь да отслужим молебен, - а потом покормите меня, родные, - у меня с утра крохи во рту не было... с утра! - повторила про себя старушка, качая головою. - Чудны дела твои, Господи!

Вся семья вошла в церковь; опять невидимый голос прошептал в ухо старушке: "Помолися о грешном рабе Фёдоре". В тёмном углу распротёртый лежал старик и лицом ударял себя о холодные камни.

Протекло лет тридцать с той поры. Однажды настоятель отдалённого монастыря на Белом море призвал к себе иеромонаха¹:

- Отец Феоктист, - сказал он, - в ближнем селении умирает стадвадцатилетняя старица, просит исповеди; приходский владыко ушёл с требами², - ты на очереди, но боюсь послать тебя хворого, измождённого постом и бдением, - не дойти тебе до селения...

- Господь пошлёт силу, - отвечал старец, - позволь сотворить послушанье.

Радость была в доме стадвадцатилетней старицы, когда узнали, что посетит её отец Феоктист; всем знаемо было благочестие престарелого инока. Во власянице, отягченный веригами³, едва дышащий подошёл старик к умирающей - вся многолюдная семья до земли поклонилась ему. Но как взглянул он на умирающую, так и заплакал горючей слезою.

- От тебя ли Бог привёл меня услышать греховную повесть? Узнаёшь ли ты меня, святая? Помнишь ли ты грешного раба Фёдора, спасённого тобою? Прошло много лет - Бог сподобил меня и принести покаяние, и понести казнь, и получить помилование, сподобил и чина ангельского, - но и теперь, как вспомню о былом, сердце живою кровью обливается, лишь постом и молитвою душу свою освежаю... мне ли, недостойному, принять грехи твои, безгрешная?

- Не говори так, святой отец, - отвечала умирающая. - Недаром Бог привёл ещё раз нам с тобою свидеться - в том новая милость Его, чтоб не возгордилась я твоим покаянием... Сотвори же послушание, святой отец... Прости и отпусти грехи дочери твоей духовной...

Когда, тщетно прождав возвращения отца Феоктиста, родные вошли в комнату умирающей, было уже утро; лучи восходящего солнца светились на лицах старца и старицы, казалось, они ещё молились, - но уже души их отлетели в вечную обитель...

¹ Иеромонах - монах в сане священника

² Требы - церковные таинства и обряды (причастие, отпущение грехов и т.д.)

³ Вериги - цепи, тяжёлые железные предметы, которые носят на голом теле для смирения плоти